

Изъ дальнихъ лѣтъ.

(Пересказъ моихъ тетушекъ).

ГЛАВА I.

Воспоминанія дѣтства.—Семейная хроника.—Постройки въ Царскомъ по планамъ Растрелли.—Три поколѣнія Нѣловыхъ, дворцовые архитектора Царскаго Села.—Капризъ Екатерины II и разговоръ ея по этому поводу.—Быстрый переносъ Египетскихъ Воротъ къ Кузьмину и награда Императора Павла I.—Постройки въ Царкосельскомъ дворцѣ при Екатеринѣ II.—Постройка Александровскаго дворца и разбивка парка при Императорѣ Александрѣ I.—Императоръ Александръ I разбираетъ чертежи по постройкѣ Александровскаго дворца.—Марія Парижская.—Императрица Марія Ѳеодоровна воспитываетъ ее, отдаетъ въ Смольный и выдаетъ замужъ за В. Г. Жукова.—Табакъ Жукова.

Въ 1848 году я былъ привезенъ въ Царское Село тетушкой моею (она же и мать крестная моя) Анастасією Петровною, родной сестрой моего отца, погостить; мнѣ тогда было пять лѣтъ, но я живо помню всѣ подробности, какъ нашей поѣздки изъ Петергофа, гдѣ жилъ отецъ, такъ и пріѣзда къ тетушкамъ. Ъхалъ я съ тетушкой въ каретѣ, она же и коляска, на крутыхъ рессорахъ, такія кареты въ то время назывались дормезами; карета эта была взята для этой поѣздки у Петергофскаго доктора Богушевича, съ семьей котораго отецъ мой и мать были дружны. Время это было іюль мѣсяць, такъ какъ тетушка пріѣзжала на именины моей матери 11 іюля. Поѣздка по всей вѣроятности продолжалась не болѣе двухъ часовъ, такъ какъ лошади были почтовые, четверней на выносъ, ѣхали быстро, чего тетушка очень боялась; одѣта тетушка была въ полутрауръ, такъ какъ не было году со смерти ея отца, я же былъ одѣтъ въ голубую рубашку шерстяную муслинь де-лень, обшитую по подолу золотой тесьмой, и подпоясанъ золотымъ кушакомъ, на

концахъ котораго были золотые жолуди; панталоны были полосатыя на выпускъ, не доходящія до сапогъ, сапоги съ красной оторочкой, фуражка соломенная, бѣлая, съ лакированнымъ бѣлымъ же козырькомъ изнутри зеленымъ. Приѣхавъ въ Царское въ домъ тетусекъ, мы были встрѣчены другой тетуской Еленой Петровной, подхватившей меня на руки; она снесла меня въ свою комнату, стала со мной играть, и въ это время пришли сюда же двѣ дамы жилицы, нанимавшія на лѣто у тетусекъ квартиру: это были Прасковья Васильевна сестра сенатора Пѣвта и жившая у него Олимпиада Ивановна. Самъ Пѣвтъ Василій Гавриловичъ никуда не выходилъ изъ своихъ комнатъ, боясь холеры; въ это время была сильная холера въ Петербургѣ, и все въ его квартирѣ было строго осторожно, чего впрочемъ ни мои тетуски, ни посѣщавшія ихъ знакомыя не соблюдали. Въ Царскомъ Селѣ холеры и не было; слѣдуетъ это приписать чистому воздуху, и известковой водѣ таицкихъ ключей. Въ память этого въ Царскомъ и бываетъ ежегодно 5 іюля крестный ходъ вокругъ всего города. Насколько я себя помню, ребенкомъ былъ я красивъ, такъ какъ слышалъ отъ многихъ похвалу моей красоты; волосы у меня были длинные, бѣлые, какъ лёнъ, всегда завитые, глаза большіе черные; я былъ румяный, живой, шаловливый. Погостивъ у тетусекъ около года, меня взялъ отецъ къ себѣ, но тутъ я сталъ такъ скучать и плакать, что не спалъ по ночамъ, и отецъ, боясь, что я расхвораюсь, свезъ меня обратно къ тетускамъ. Здѣсь я и росъ до поступленія въ кадетскій корпусъ; здѣсь я много слышалъ разказовъ объ прошедшихъ временахъ. Тетуска Настасья Петровна, родившаяся въ 1800 г., воспитывалась въ Екатерининскомъ Институтѣ, была сверстницей Марьи Павловны Леонтьевой, впоследствии статсъ-дамы Начальницы Смольнаго Института обѣихъ половинъ, и ея сестры Надежды Павловны Шиповой, впоследствии Начальницы Царскосельскаго Духовнаго Училища; обѣ онѣ сохранили дружбу съ тетуской, бывая другъ у друга. Тетуска по своему времени была очень образованная и умная дѣвушка, умѣла себя держать съ достоинствомъ, была религіозна, но не ханжа, въ молодости за нее сватался Олсуфьевъ, впоследствии бывшій оберъ-гофмаршалъ. Знакомство ея, которое я засталъ, было: кромѣ Леонтьевой и Шиповой, Варвара Петровна Булыгина, сверстница по институту со своей матерью Маріей Ивановной, бывшей воспитательницей малолѣтнихъ Великихъ Князей Александра, Николая, Константина, Михаила Павловичей, а также и Великихъ Княженъ, — Иванъ Ильичъ Хатовъ, генераль-лейтенантъ, дирек-

торъ Александровскаго кадетскаго корпуса, его брата вдова тоже генер.-лейт. Марія Сергѣевна Хатова со своей сестрой Настасьей Сергѣевной, Надежда Николаевна Иванова, фрейлина Императрицы Маріи Ѳеодоровны, жившая въ Царскомъ же въ своемъ домѣ противъ нашего сада—Анна Сергѣевна Волкова, вдова шталмейстера Императорскаго Двора, со своими дочерьми Маріей и Елисаветой Ѳеодосьевными, Елисавета была замужемъ за л.-гв. Кирасирскимъ полковникомъ Ушцевичемъ, дочь которой Елисавета въ 1914 г. справляла свое пятидесятилѣтіе сестрой милосердіи,—Настасья Ивановна Харламова, вдова бывшего совѣтника Царскосельскаго дворцоваго правленія, съ четырьмя сыновьями,—двѣ старыя дѣвицы Тенишны. Вотъ это все тѣ, которыя видѣлись если не нѣсколько разъ въ недѣлю, то уже непременно разъ въ недѣлю; всѣ они разговаривая, вспоминали какъ очевидцы, стоявшія вблизи Императорскаго Двора, все тамъ происходящее, и рассказы о временахъ Императоровъ Павла I, Александра I. Тетушку посѣщалъ иногда Александръ Ивановичъ Европеусъ, который нѣсколько разъ сидѣлъ въ Петропавловской крѣпости, надъ которымъ обыкновенно подтрунивали, что ему опять является новый расходъ на наемъ квартиры; онъ былъ племянникъ Булыгиной; пріѣзжали также бывшіе лицейсты, сверстники моихъ отца и дяди, бывалъ иногда Иванъ Самойловичъ Алопеусъ, бывший директоръ училища Правовѣдѣнія, а его сестра Амалія Самойловна гацивала у тетокъ по нѣсколько мѣсяцевъ;—тетки росли подъ наблюденіемъ сестры своего отца, старой дѣвушки временъ Императрицы Екатерины II, которая вмѣстѣ съ ихъ отцомъ, многое передали о тѣхъ временахъ.

Родоначальникъ всего мною воспоминаемаго былъ Петръ Васильевичъ, родившійся въ 1734 году и умершій въ 1848 году на 114 году своей жизни; прослужилъ онъ 86 лѣтъ, не разъ онъ просилъ Царей уволить его въ отставку, но всегда слышалъ:—служи, и если тебѣ это въ тягость, то будетъ исполнять другой подъ твоей отвѣтственностью и надзоромъ. Онъ былъ Царскосельскій придворный архитекторъ, тогда впрочемъ въ Царскомъ другого архитектора и не было. Всѣ постройки части Большого Дворца, Александровскій Дворецъ, Лицей, кіоски, мостики, каналы и проч. были выстроены имъ по планамъ Растрелли и другимъ, а частью и его самого. Проживалъ онъ въ казенномъ домѣ уголъ Средней и Леонтьевской улицъ, рядомъ съ этимъ домомъ по Средней улицѣ былъ въ три окна флигель. Это была чертежная, въ которой начали свое ученье бывшій

професоръ архитектуры Горностаевъ и впоследствии Царско-сельскій придворный архитекторъ, дѣйств. ст. совѣтн. Видовъ, сынъ портного, взятый Петромъ Васильевичемъ въ ученье. Петръ Васильевичъ былъ отецъ моего отца и тетокъ, т. е. мой дѣдъ, до 45 лѣтъ былъ холостъ, служилъ въ военной службѣ въ Л. Гв. Петербургскомъ Драгунскомъ полку, былъ при покореніи Очакова. Бывши въ Херсонской губерніи, въ гор. Николаевѣ, онъ влюбился въ 14 лѣтнюю дочь протоіерея Савурскаго и съ ней повѣнчался; невѣста принесла съ собой множество куколъ, а отъ брака произошло потомство 22 человекъ дѣтей. У дѣда былъ братъ Илья Васильевичъ и какъ его отецъ Василій Ивановичъ былъ тоже Царскосельскимъ архитекторомъ. Съ основанія Царскаго Села до 1848 г. былъ архитекторомъ мой прадѣдъ и два дѣда, при жизни еще Ильи Васильевича по повелѣнію Императрицы Екатерины II Петръ Васильевичъ, будучи премьеръ-маіоромъ, посланъ въ Италію и Англію для изученія архитектурн и видовъ Англійскихъ садовъ, по смерти Ильи Васильевича помѣщенъ въ Царское. Это подтверждается имѣющейя у меня грамотой, а производимыя имъ постройки нѣкоторыя, собственно-ручными къ нему записками Императрицы Екатерины II тоже у меня сохранившимися. Императрица Екатерина II вздумала выстроить арку по Красносельскому шоссе. Она поручила дѣду составить чертежъ, по разсмотрѣніи котораго приказала произвести эту постройку. По окончаніи постройки, Императрица Екатерина II пріѣхала къ ней и приказала внутри, подъ сводомъ, припечатать большой листъ бумаги съ четырехъ угловъ своею печатью, въ своемъ присутствіи и повелѣла поставить часоваго. Спустя два мѣсяца, опять пріѣхала къ этой аркѣ, увидавъ припечатанный листъ съ сохранившимися печатями, сказала: — вотъ какъ люди несправедливы. На другой день, вызвавъ къ себѣ дѣда, сказала:—Нѣловъ мнѣ про тебя сказали, что ты всегда пьянъ, что арка построена такъ, что не пройдетъ двухъ мѣсяцевъ, она развалится; прочность постройки этой арки я провѣрила и убѣдилась въ несправедливости сказаннаго про тебя, видимо, твоими врагами. — Матушка Царица, я въ жизни ничего хмѣльнаго не пилъ, построена же эта арка такъ, какъ указала наука. — Ну прости меня, Нѣловъ, я виновата, что этой лжи повѣрила. Тутъ же онъ спросилъ, какъ прикажетъ Императрица назвать эту постройку. Подумавъ, она сказала, —это мой капризъ, ну такъ и назовите ее „капризомъ“. Арка эта находится вблизи китайской деревни. Послѣ этого Императрица

обо всѣхъ постройкахъ совѣтовалась предварительно съ дѣдомъ, и если что забывала, то писала ему записки, нѣкоторыя собственноручныя записки сохранились и находятся у меня. По воцареніи, Императоръ Павелъ I пріѣхалъ въ Царское Село, и увидавъ чугунныя Египетскія Ворота, стоящими при выѣздѣ по Красносельскому шоссе, призвалъ дѣда моего и приказалъ перенести эти ворота на границу села Кузьмина. Дѣдъ, зная нравъ Императора, любовь его, чтобы всѣ его распоряженія исполнялись быстро, тотчасъ поѣхалъ въ Петербургъ и привезъ оттуда мастеровъ. Въ нѣсколько дней ворота эти были переставлены по указанію свѣше. При вторичномъ проѣздѣ изъ Петербурга въ Царское Императоръ, увидавъ, что его приказаніе исполнено, и удивившись быстротѣ этого распоряженія, вызвалъ моего дѣда къ себѣ, благодарилъ его и сказалъ:—проси себѣ, въ чемъ ты нуждаешься, все будетъ дано. Дѣдъ, пріѣдя домой, передалъ слова Императора своей женѣ, и она настояла просить тотъ домъ, въ которомъ они проживали, т. е. казенный домъ, дающійся для жительства архитектора. Дѣдъ, по скромности своей, боялся заявить такую просьбу, но его жена настояла въ этой просьбѣ, и ему была выдана данная на владѣніе этимъ домомъ. Домъ этотъ былъ выстроенъ въ Царскомъ Селѣ Императрицей Екатериной I изъ лѣса, тутъ же росшаго, отцомъ Петра Васильевича, Василиемъ Ивановичемъ Нѣловымъ. Домъ этотъ до сего времени находится на углу Средней и Леонтьевской улицъ, два раза послѣ этого ремонтировался, при чемъ первый разъ по повелѣнію Императора Николая I для поддержанія этаго историческаго дома на ремонтъ его было выдано въ 1849 году пять тысячъ руб.; при ремонтахъ этого дома самый срубъ, а также потолоки не трогались, что видно изъ того, что плафонъ въ залѣ и карнизъ въ гостиной вылѣплены по составленному для того рисунку Растрелли. Подъ этимъ домомъ было земли отъ Средней улицы вплоть до Московской, такъ какъ гдѣ теперь Московская улица, былъ земляной валъ, за этимъ валомъ площадка, гдѣ учились солдаты, и тутъ же начинался лѣсъ, куда мои тетуски, въ дѣтскихъ лѣтахъ, ходили собирать грибы. Когда же Императоръ Александръ I планировалъ Царское Село, то подъ Малую и Московскую улицы была отрѣзана земля, за что дѣдъ получилъ 10 тысячъ, а подъ домомъ осталось земля по Средней, Леонтьевской и Малой улицамъ.

Императрицей Екатериной II былъ увеличенъ Большой Дворецъ, пристроена Церковь, коллонада съ прохладной залой, и спускомъ въ садъ, зданія, называющіяся полуциркулемъ для службъ ко Дворцу.

По воцареніи Императора Александра I строился Дворецъ въ Александровскомъ саду моимъ дѣдомъ, и планировался самый садъ, зачѣмъ лично наблюдалъ самъ Императоръ, вставая лѣтомъ рано; онъ много разъ заходилъ къ дѣду въ квартиру, разбиралъ вмѣстѣ съ дѣдомъ чертежи. Одинъ разъ онъ сказалъ—мнѣ: совѣстно называть тебя по фамиліи, скажи твое имя, и съ тѣхъ поръ сталъ называть его по имени Петръ Васильевичъ. По порученію Императора бывшій государственный канцлеръ князь Голицынъ также посѣщалъ моего дѣда, былъ съ нимъ друженъ, и въ знакъ хорошихъ отношеній подарилъ ему свой портретъ, который сохранился у насъ до сихъ поръ.

Моя матушка воспитывалась въ Смольномъ Монастырѣ (Институтѣ), окончила курсъ, должно быть, въ 1832—1833 году, въ это время съ ней вмѣстѣ въ Институтѣ была Марія Парижская. Впослѣдствіи стало извѣстно, что эта Парижская была привезена Императоромъ Александромъ I, какъ подкинутая ему во время его нахождения въ Парижѣ. Послѣ войны 1812 года, дѣвочку эту взяла къ себѣ мать Императора Александра I, Марія Ѳеодоровна, когда она подросла, то ее отдали въ Смольный. Императрица не теряла ее изъ вида, и посѣщая Институтъ, разговаривала съ нею. По окончаніи курса выдала ее замужъ за бывшаго городского голову Василя Григорьевича Жукова, давъ въ приданое сто тысячъ рублей. Я былъ знакомъ съ этимъ Жуковымъ въ 70 годахъ, и часто былъ приглашаемъ имъ на завтракъ изъ Государственнаго банка, гдѣ я бывалъ при уничтоженіи ветхихъ кредитныхъ билетовъ, какъ служащій въ Экспедиціи Заготовленія Государственныхъ бумагъ, командированный въ качествѣ эксперта при сожженіи ветхихъ кредитныхъ билетовъ. Вотъ тутъ-то я и слышалъ рассказы Жукова: онъ былъ крестьяниномъ, въ качествѣ плотника при Императорскомъ Театрѣ, гдѣ приходилось ему переставлять кулисы. Видимо въ молодости онъ былъ красивъ; молодежь, гвардейскіе офицеры забѣгали внизъ, гдѣ былъ Жуковъ, покурить трубочку вокштафа; въ то время не было папирсъ, а въ театрахъ курительныхъ комнатъ; подмѣтивъ любовь офицеровъ къ куренью, онъ къ одному изъ спектаклей приготовилъ табакъ своего изобрѣтенія; когда молодежь пришла въ его помещеніе онъ предложилъ имъ покурить свой табакъ; попробовавъ, офицеры пришли въ восторгъ и стали дѣлать ему заказы приготовить имъ табаку; кое-кому онъ приготовилъ, но удовлетворить всѣ заказы не могъ за неимѣніемъ денегъ; тогда офицеры сложились и дали ему сто рублей. Это были начало его благо-

состоянія. Имѣя множество заказовъ, а потому и кредитъ, онъ открылъ маленькую фабрику; въ послѣдствіи жуковскій табакъ славился своимъ качествомъ не только во всей Россіи, но и за границей. Богатство его росло не по днямъ, а по часамъ. Вотъ тутъ-то онъ и былъ назначенъ городскимъ головой и женился на Парижской. Проходя черезъ гостиную къ завтраку, мы ее видѣли сидящей на диванѣ съ книжкой, кланялись ей, но она очень гордо кивала головой, хотя въ нашемъ обществѣ было много очень заслуженныхъ генераловъ. Когда же, по утракамъ, возвращались, то, подъ вліяніемъ завтрака, Василій Григорьевичъ обращался къ своей женѣ, — пожалуйста ручку, Ваше Высочество, — она ему давала руку, онъ цѣловалъ руку, но получалъ отъ нея въ отвѣтъ: — „старый шутъ“. Василій Григорьевичъ по природѣ былъ очень умный человекъ, добръ до безконечности, начитанность у него громадная, о чемъ бы ни заговорили съ нимъ, о литературѣ онъ зналъ отъ начала до конца всѣхъ выдающихся литераторовъ. Разговаривая про искусство, онъ вамъ скажетъ, гдѣ лучшія помѣщаются произведенія, не только въ Россіи, но и за границей. Разъ мы были удивлены; кто-то мимоходомъ купилъ себѣ французскую книгу, и вмѣстѣ съ шапкой положилъ на скамейку, онъ увидалъ, взялъ эту книгу; но тутъ же бывший милліонеръ Е... хотѣлъ подтрунить надъ нимъ, сказалъ: „что, Василій Григорьевичъ, смотришь-то книга-то не при насъ писана“. Въ отвѣтъ на это онъ прочелъ страницы три; зная его происхожденіе и первоначальный бытъ, невольно удивлялись, да когда же онъ могъ пріобрѣсти эти познанія, когда имѣя громадное коммерческое дѣло, онъ имѣлъ время для пріобрѣтенія всѣхъ этихъ познаній.

Сообщилъ А. П. Нѣловъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

